

АРТУР УЭЛЛЕСЛИ, ГЕРЦОГ ВЕЛЛИНГТОН (1769—1852)

Артур Уэллесли, герцог Веллингтон, крупный английский государственный деятель, дипломат, полководец, нашим читателям известен исключительно как победитель битвы при Ватерлоо — ситуация, свидетельствующая о том, как время, традиции, политические пристрастия уводят в сторону от объективности, делают суждения предвзятыми, а память — избирательной. Даже то немногое, что опубликовано у нас о Железном герцоге — таково прозвище Веллингтона,¹ — подчас страдает односторонностью. Впрочем, тому есть объяснения.

Еще в дореволюционной русской исторической науке сложилась определенная традиция, согласно которой и английская армия эпохи наполеоновских войн, и ее полководцы — Веллингтон в первую очередь — оценивались не слишком высоко. Вот что отмечал, например, преподаватель Российской академии Генерального штаба Ф. Е. Огородников: «Существовала определенная черта, за которую английская армия не переходила в своих предприятиях»². О наиболее известном полководце этой армии военный публицист М. Драгомиров писал: «Слов нст, Веллингтон — великий характер, что в военном деле, конечно, важнейшее, но характер упорства: отсидеться, укреситься, заготовить впрок... Как второстепенный генерал он, конечно, выделялся, но ставить его рядом, не то что выше Наполеона, мог только человек, который не понимает дела»³. (Драгомиров имел в виду Прудона.)

Возможно, подобные оценки связаны с тем обстоятельством, что страны, сыгравшие наибольшую роль в разгроме наполеоновской империи, всегда ревностно следили за тем, чтобы их вклад в общую победу был отмечен особо. Возвышая себя, порой не замечаясь, как начинаешь принижать других — хотя, конечно, такой «грех» характерен не для одних только русских историков, да и отголоски острого англо-русского соперничества в XIX в. здесь тоже присутствуют.

Заложенная еще в дореволюционные годы традиция в основных чертах была воспринята и советской историографией — более того, негативно отношение к тому же Веллингтону усилилось, что в немалой степени связано также и с нескритическим отношением к наследию классиков марксизма. Конечно, советских ученых трудно в этом упрекнуть, но на некоторых моментах все же следует остановиться.

Военная история принадлежала к числу излюбленных пристрастий Ф. Энгельса: по данной тематике им написано немало работ, многие и по сей день представляют интерес. Однако, не говоря уже о классовом подходе, хорошо известно и то обстоятельство, что политические симпатии и антипатии у Маркса и Энгельса нередко брали верх, а априорная предубежденность никогда не давала положительных

¹ Существует несколько версий относительно происхождения прозвища Веллингтона, и наиболее распространена следующая: в битве при Ватерлоо маршал Ней, наблюдая за тем, как французские кавалерийские атаки разбивались о стойкие английские каре, в какой-то момент с восхищением произнес: «Железный герцог!».

² Огородников Ф. Е. Военные средства Англии в революционные и наполеоновские войны. СПб, 1902, с. 391.

³ Драгомиров М. Наполеон и Веллингтон (Полувоспный фельетон). Киев, 1907, с. 36.

результатов. У Энгельса имеются расхождения в его оценках Веллингтона. Как и Маркс, Энгельс посвятил немало хвалебных слов пиренейским «герильерос» — партизанам, но вот что отмечает он сам, в работе «Горная война прежде и теперь», анализируя, в частности, кампанию 1808—1814 гг. в Испании и Португалии, именуемую в зарубежной историографии Пиренейской войной. «Хотя все они (войны.— М. К.) приносили завоевателям большие неприятности, ни одна из них не увенчалась успехом»⁴.

Раскрывая в работе «Осада Силистрии» понятие «военная инициатива», Энгельс подчеркивал, что она «доказывает превосходство — либо в количестве, либо в качестве войск, либо же в полководческом искусстве и поддерживает моральное состояние солдат при всех неудачах и отступлениях, кроме проигрыша решительного сражения. Именно эта инициатива и спланировала маленькую армию Веллингтона, окруженную сотнями тысяч французских войск в Испании и сделала ее центром всех событий этой пятилетней войны»⁵. С такой оценкой трудно не согласиться, но данное высказывание Энгельса едва ли не единственное признание им заслуг англичан и их командующего. Железный герцог упоминается Энгельсом еще раз и в совершенно противоположном плане. Он пишет о «явной-переоцененности»⁶ Веллингтона и о том, что «победы Веллингтона и Радецкого стоили обоим куда больше наличных денег, чем отаги и искусства»⁷. Последнее утверждение, кстати, абсолютно бездоказательно.

Негативные в целом оценки Марксом и Энгельсом Веллингтона, к сожалению, повлияли и на советскую историографию. Исследуя Пиренейскую войну⁸, и Е. В. Тарле, и А. З. Манфред о действиях англичан упоминают лишь вскользь⁹. Рассуждая о Ватерлоо, А. З. Манфред замечает: «Веллингтон не был военным гением, как его позднее изображали. Маркс с должным основанием говорил о нем как о посредственности»¹⁰.

В итоге обширной «Веллингтонианы», изданной на Западе, отечественная историография может противопоставить лишь отрывочные и далеко не всегда объективные сведения и полное отсутствие специальных исследований. Между тем фигура Веллингтона вызывала и продолжает вызывать интерес. Работы, посвященные герцогу, выходили в разных странах¹¹, но основная часть «Веллингтонианы», разумеется, английская. Литература настолько обширна и разнообразна, что стоит выделить определенные направления в историографии темы.

Первое из них, представленное наиболее широко, можно назвать апологетическим. Среди его сторонников такие историки, как Ч. Юнг, Дж. Р. Глейг, Х. Максвелл, Дж. Бучан, Дж. Фортескью, М. Гловер, А. Брайант, Дж. Уэллер¹². С точки зрения научной значимости работы, разумеется, отличаются: скажем, книги Юнга и Бучана носят скорее популярный характер, а труды Брайанта и Уэллера — очень серьезные, основанные на широком привлечении источников

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 11, с. 118.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 269.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 243.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 423.

⁸ См., например: Тарле Е. В. 1812 год. М., 1959, с. 251.

⁹ Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1986, с. 664.

¹⁰ Единственная в советской историографии работа, в которой имя Веллингтона фигурирует в названии, — статья В. Н. Виноградова «Герцог Веллингтон в Петербурге» (Балканские исследования, вып. 8. М., 1982), небольшая по объему и посвящена этому конкретному вопросу.

¹¹ Книжки о Веллингтоне вышли в таких странах, как Бельгия: Bernard H. Le Duc de Wellington et la Belgique. Bruxells, 1973; Испания: Revez A. Wellington, El Duque de Hierro. Madrid, 1946; Польша: Meystowicz J. Zelazny Ksiase. Warszawa, 1978.

¹² Younge Ch. Life of Fieldmarshal, the Duke of Wellington. London, 1860; Gleig G. R. The Life of the Duke of Wellington. London, 1863; Maxwell W. H. The Life of Wellington, London, 1886; Buchan J. W. The Duke of Wellington. London, 1914; Fortescue J. Wellington. London — New York, 1925; Weller J. Wellington at Waterloo. London, 1967; idem. Wellington on the Peninsula. London, 1969; idem. Wellington in India. London, 1972; Glover M. Wellington as Military Commander. London, 1968; Bryant A. The Great Duke. New York, 1972.

исследования, но в главных оценках «апологеты» достаточно едины. Веллингтон чрезмерно идеализируется, его ошибкам всегда находятся оправдания, а критика практически отсутствует.

Второе направление — «объективное». Его представителям присущи более взвешенные оценки, в отличие от «апологетов» они гораздо чаще пытаются дать мотивацию тех или иных поступков Железного герцога, показать разные стороны его деятельности. Практически все историки этого направления высоко оценивают Веллингтона, но позиция, избранная ими, совсем другая, нежели у «апологетов». На страницах их трудов Веллингтон не выглядит лишь «величайшим полководцем», а человеком, имевшим и свои слабости и недостатки. Такой подход, несомненно, обогатил «Веллингтониану». К его приверженцам можно отнести Ф. Гведаллу, Э. Лонгфорд¹³ и др.

Третье направление обозначим как «критическое». Вполне понятно, что герцогу «достаётся» от континентальных ученых, но те, кто думают, что он не «пострадал» от соотечественников, заблуждаются. В трудах таких историков, как Ч. Кратвелл, Ч. Петри, Л. Купер¹⁴, мы сталкиваемся с весьма негативными оценками Веллингтона. «Критики» сосредоточивают внимание на промахах и неудачах Железного герцога, особенно на политическом поприще, и дают весьма непривлекательный образ жесткого, даже жестокого человека, таланты которого весьма пренебрежительны.

Разнообразие мнений, впрочем, свидетельствует о незаурядности личности Веллингтона. Среди действовавших в начале XIX в. на арене истории выдающихся персонажей герцог отнюдь не затерялся и занимает достойное место по праву. Настоящий очерк представляет собой попытку хотя бы частично восполнить имеющийся в отечественной историографии пробел в освещении личности Веллингтона, причем речь в нем пойдет в первую очередь о наиболее значительной стороне его деятельности — полководческой.

ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ, НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

Артур Уэллесли родился в 1769 г.¹⁵ в Дублине, в семье хотя и не богатой, но знатной. В отличие от континентального дворянства, во многом космополитического, английское отличалось национальной монолитностью и одновременно особой высокомерностью и чванством. Привычки высшего класса успешно усваивались и другими слоями британского общества, и солдаты Веллингтона свысока поглядывали как на французов, так и на собственных союзников.

С 1789 г. Европой двигало слово «свобода», но сыновья «Туманного Альбиона» самодовольно полагали, что уж у них-то со свободой все в порядке. Они свято верили в Закон, ставя его выше писаной конституции, которой в Великобритании не было и нет. Англичане уже тогда принадлежали к тем народам, значительная часть которых предпочитала традиции — нововведениям, а хорошее — лучшему, особенно если достижение последнего грозило потрясениями и нестабильностью.

Итак, Веллингтон был, во-первых, британцем до мозга костей, во-вторых, аристократом, а в-третьих, английским аристократом, родившимся и проведшим первые годы своей жизни в Ирландии. Здесь кастовость проявлялась еще ярче, чувство национальной принадлежности — острее, а разговоры о необходимости соблюдения законности и порядка велись чаще, чем где бы то ни было в Великобритании.

¹³ Guedalla P. The Duke. London, 1940; Longford E. Wellington. The Years of the Sword. London — Prescott, 1969; *idem*. Wellington. Pillar of State. London — New York, 1972.

¹⁴ Petrie C. Wellington. A Reassessment. London, 1956; Crutwell C. K. W. Wellington. «Great Lives Series». London, 1936; Cooper L. The Age of Wellington. The Life and Times of the Duke of Wellington. London, 1964.

¹⁵ «Апологеты» Веллингтона не приминут отметить, что в том же году появился на свет и Наполеон: Gleig G. R. Op. cit., p. 2; Buchan J. W. Op. cit., p. 9.

В этих особенностях — ключ к объяснению не всех, но многих поступков Железного герцога.

Мать будущего национального героя Британии о своем 12-летнем сыне сказала следующее: «Этот ужасный мальчик Артур! Он годится лишь на пушечное мясо и ни на что более»¹⁶. В детстве, по признанию самого Веллингтона, он был «застенчив и чертовски ленив»¹⁷. Замкнутый, предпочитавший проводить время в одиночестве подросток (не отсюда ли происходит знаменитая «холодность» герцога?) волевым решением разочарованной в нем матери был направлен во Францию для получения военного образования. Перед юным Артуром открывалась весьма мрачная перспектива. Не говоря уже о том, что, выражаясь словами историка К. Бернетта, «история британской армии есть история института, который нация не любила и презирала»¹⁸, нужно иметь в виду и то обстоятельство, что «десять лет (1783—1793), отделяющих плачевную для Англии войну с ее североамериканскими колониями до начала войн с революционной Францией, явились наихудшими для британских солдат»¹⁹. Связать свою судьбу с армией значило в глазах общества поставить на себе крест. И тем не менее Артур, окончив начальную школу и прожив пару лет в Итонсе, отправляется в Королевскую военную академию во Франции, в город Анжер.

В Анжерской академии обучались дворянские дети со всей Европы: верховая езда, фехтование, немного грамматики и математики, в конце занятий — обязательные танцы. За два года, проведенных здесь, Артур приобрел определенную светскость, хорошее знание французского языка, но систематического военного образования так и не получил. По тем временам оно и не являлось чем-то обязательным — из 26 маршалов Наполеона специальное военное образование имели лишь восемь человек²⁰.

Старший из братьев Уэллесли — Ричард — выхлопотал для Артура место адъютанта наместника Ирландии и купил ему первый офицерский патент. 1789—1798 гг. стали наиболее праздными в жизни Веллингтона. Желанный гость в дублинских салонах, не очень удачливый игрок в карты, не обремененный тяготами службы, он еще не сделал окончательного выбора в жизни и в 1792 г. даже стал членом ирландского парламента от «семейного» округа Трим.

Судьбу юноши предопределило весьма романтическое событие: Артур предложил руку и сердце некоей Китти Пэкснхэм и получил от нее вежливый, но твердый отказ. Китти, правда, все равно стала его женой через девять лет, но тогда это был удар и одновременно толчок, который помог молодому человеку определиться: Артур Уэллесли твердо решил стать солдатом. Офицерский патент вполне можно было купить, должность по протекции — получить, но вырасти в крупного военачальника Артур Уэллесли смог лишь потому, что был одним из немногих в Англии офицеров, кто на деле стремился овладеть секретами военной профессии. В одной из поздних бесед с Дж. У. Кроукером, принадлежавшим к его немногочисленным друзьям, герцог высказался по поводу того, как, по его мнению, следует овладевать полководческим искусством: «Сначала нужно понять механизм действия и силу одного солдата, затем — роты, батальона, бригады и так далее; все это необходимо постичь, прежде чем приводить в движение дивизии и армии. Я полагаю, что многим из моих успехов я обязан прежде всего тем, что хорошо усвоил тактику в качестве полкового командира»²¹.

¹⁶ Цит. по.: Longford E. Wellington. The Years of the Sword, p. 18.

¹⁷ Цит. по.: Gleig G. R. Op. cit., p. 4.

¹⁸ Burnett C. Britain and Her Army, 1509—1970. A Military, Political and Social Survey. New York, 1970, p. XVIII.

¹⁹ Fortescue J. Op. cit., p. 6.

²⁰ О маршалах Наполеона см. Троицкий Н. А. Маршалы Наполеона. — Новая и новейшая история, 1995, № 5.

²¹ The Crocker Papers, v. 1. New York, 1964, p. 311.

Постепенность и основательность начали отличать Веллингтона с первых шагов. 33-й полк, который он получил под свое начало и который носит теперь его имя, вскоре стал лучшим из подразделений, расквартированных в Ирландии. В том же 1794 г. командир 33-го получил и боевое крещение. Артур участвовал в экспедиции герцога Йоркского в Нидерланды, правда, окончившейся сокрушительным провалом. В тяжелые зимние дни, наблюдая полную неподготовленность английской армии к боевым действиям, бездарность и беспечность командного состава, увидев, наконец, в деле французов, он многое переосмыслил. Через 45 лет именно об этой кампании Веллингтон сказал: «Я научился прежде всего тому, что нельзя делать ни в коем случае»²². Умение извлекать уроки из ошибок стало со временем одним из наиболее сильных качеств Веллингтона.

ИНДИЙСКАЯ КАМПАНИЯ

В 1796 г., после недолгого пребывания в Дублине, полковник Уэллесли вместе со своими солдатами был направлен в Индию. С этого времени и вплоть до 1815 г., с незначительными перерывами, его жизнь была связана с войной.

Обычно в биографии Веллингтона-полководца выделяют три этапа: индийский — 1796—1805, пиренейский — 1808—1814 и кампанию 1815 г. Основы полководческого искусства Веллингтон приобрел в Индии, окончательно сформировался как военачальник на Пиренеях, а Ватерлоо стало кульминационным пунктом его карьеры.

Годы, проведенные на Востоке, оказали заметное влияние на Артура Уэллесли, но в эти же годы изменилась и сама Индия. На смену медленной, постепенной, в значительной мере опиравшейся на традиционные местные формы власти, экспансии, которую осуществляла Ост-Индская кампания, пришел новый, «имперский» курс.

Его приверженцы, активно эксплуатируя фактор «французской угрозы», стремились к захвату новых территорий и усилению английского присутствия на полуострове. В новой ситуации большая роль принадлежала генерал-губернатору, а им в 1798 г. стал не кто иной, как старший брат Артура Уэллесли Ричард, лорд Морнингтон. Человек энергичный, одаренный, но и противоречивый, он сыграл в создании Британской империи важную роль — именно с его генерал-губернаторства начинает складываться империя как таковая. Лорд Морнингтон имел на вооружении программу ярко антифранцузской и аннексионистской направленности и обладал, выражаясь современным языком, превосходной командой. В нее наряду с самым младшим из братьев Уэллесли — Генри, выполнявшим функции секретаря при верховном правителе, входил и полковник Уэллесли.

1796—1805 гг. прошли под знаком экспансии Англии в Южной Азии. В результате четвертой по счету войны с находившимся влиянием французов княжеством Майсор в 1790—1792 гг. последнее было урезано в своей территории и превращало в вассала Ост-Индской компании, а вторая англо-маратхская война 1803—1805 гг. привела к разгрому Маратхской конфедерации княжеств и переходу большинства их под влияние англичан. Кроме того, в годы наполеоновских войн Индия стала главной базой для захвата колоний Франции и Нидерландов в Азии (Иль-де-Франс, Индонезия, остров Цейлон).

Что же дала Индия Веллингтону? Начнем с умения поддерживать отличную физическую форму. Быстро убедившись в том, что неводержанность в условиях жаркого климата приводит к тяжелым последствиям, он приобрел привычки, которые так помогли ему в дальнейшем и, вероятно, стали основой его долголетия: умеренность в еде и питье, строгое соблюдение распорядка дня и т. д. Здоровье и крепкие нервы — немаловажные для полководца качества. Например, на Пиренеях, в битве при Талавере в 1809 г. — за эту битву он и получил титул

²² Цит. по: Longford E. Wellington the Years of the Sword, p. 37.

герцога Веллингтона, — полковник Уэллесли в ожидании прибытия помощи в лице испанского генерала Куэсты спокойно проспал около сорока минут²³. Наполеон, умевший в лучшие свои годы засыпать в любое время суток, уже к кампании 1812 г. утратил эту привычку, и ночь перед Ватерлоо он провел без сна, Веллингтон же — отдохнул и был гораздо свежес.

В Индии проявились организаторские и административные способности Веллингтона. Молодого полководца отличали умение вникнуть во все, даже самые мелкие, казалось бы, детали, повышенное внимание к вопросам снабжения, обеспечения, транспорта. В начале 1799 г., волею случая вынужденный готовить войска для экспансии против Майсорского княжества, он блестяще справился с задачей, и генерал-лейтенант Харрис, назначенный главой экспедиционного корпуса, отозвался о его действиях в высшей степени похвально²⁴. После того как столица Майсора — Серингапатам — пала, Харрис, вызвав недовольство многих старших офицеров, назначил именно Артура Уэллесли губернатором города. Он исполнял обязанности губернатора — с перерывами — несколько лет и также отлично себя проявил. Еще одна черта, выделявшая Веллингтона среди многих военачальников того времени, — подчеркнуто уважительное отношение к местному населению, традициям, религии. Такой подход дал свои плоды как в Индии, так и в будущем — на Пиренеях.

Наконец, в беседе с графом П. К. Стэнхоупом герцог отметил: «В военном деле я узнал не много нового с тех пор, как вернулся из Индии»²⁵. Полководческий опыт, приобретенный им в 1798—1805 гг., действительно был очень важен. Уэллесли впервые командовал крупными воинскими соединениями, причем опробовал все виды боевых действий: летом 1800 г. вел позиционную войну против князя Дундия, в 1803 г. штурмовал крепость Амеднагар и в том же году имел сражение при Ассаи — эту битву Веллингтон считал самой важной в своей жизни²⁶.

За герцогом закрепилась репутация военачальника, который не любил рисковать, но такое суждение верно лишь отчасти. Он и впрямь предпочитал риску трезвый расчет, но это вовсе не означало, что там, где риск был оправдан, Веллингтон на него не шел. Ассаи — тому пример. Против намного превосходившего численностью противника, имея под командой утомленные маршем войска, Артур Уэллесли действовал решительно и искусно. Мгновенно оценив обстановку, определив место, где противник не ожидал нападения, он атаковал с ходу и добился полного успеха. Британский историк Э. Лондфорд незря назвал Ассаи «Тулоном Веллингтона»²⁷ — эта крупная победа не просто сделала его имя известным, она придала ему уверенности в собственных силах.

Индия научила Уэллесли стойко сносить удары судьбы. В 1800 г. лорд Морнингтон хотел поставить своего брата во главе очень престижной военной экспедиции в Батавию, на остров Ява. Однако, уступая давлению со стороны старших по званию и возрасту офицеров, генерал-губернатор изменил решение. «Я лишь спрашиваю себя, что чувствовал бы он (Ричард. — М. К.) на моем месте?» — с горечью отмечал Артур в письме к Генри Уэллесли²⁸. И впоследствии у него имелись сильные покровители, например, министр иностранных дел лорд Кэслри, но после неприятного «батавского эпизода» Веллингтон привык рассчитывать только на себя.

Критики Веллингтона его успехи в Индии склонны объяснять протекцией брата — генерал-губернатора²⁹. Апологеты, напротив, настаивают на том, что

²³ The Crocker Papers, v. 2. New York, 1964, p. 109.

²⁴ Weller J. Wellington in India, p. 43.

²⁵ Stanhope P. H. Notes of Conversation with the Duke of Wellington. London, 1889, p. 151.

²⁶ Longford E. Wellington the Years of the Sword, p. 37.

²⁷ Ibid., p. 93.

²⁸ Supplementary Dispatches. Correspondance and Memoranda of Field Marshal Wellington, v. II. London, 1856, p. 425.

²⁹ См., например: Edwardes M. A. Glorious Sahibs. The Romantic as Empire-Builders. 1799—1838. London, 1968, p. 40.

он всего достиг сам³⁰. Положение Ричарда, безусловно, способствовало успехам Артура, но последний в свою очередь продемонстрировал незаурядные личные качества и завоевал высокий авторитет в войсках и у местного населения. На этой почве в отношениях между братьями обозначилась трещина, навсегда отдалившая их друг от друга.

Спустя много лет на вопрос о том, что же все-таки помогло ему устоять под страшным натиском французов в день Ватерлоо, герцог после недолгого раздумья ответил: «Это все — Индия»³¹. Биографы Веллингтона часто используют это, вроде бы, сразу все объясняющее высказывание. Но не стоит афоризмы великих людей воспринимать слишком буквально³².

В 1805 г. Артур Уэллесли хотя и возвращался домой кавалером ордена Бани и одним из самых молодых в английской армии генерал-майором, он по тогдашним европейским меркам был фигурой заметной только у себя на родине. Наполеон в 1805 г. уже стал человеком № 1 в Европе, а имена его маршалов знали жители всего континента.

ПИРЕНЕЙСКАЯ КАМПАНИЯ

Индия многое дала Веллингтону, но настоящим полководцем его сделали Пиренси. 1808—1814 гг. — самый значительный и самый плодотворный этап в жизни Веллингтона.

Герцог был одним из немногих знаменитых людей своего времени, не оставивших после себя мемуаров, но, судя по свидетельствам современников, именно о Пиренеях Веллингтон вспоминал чаще и охотнее всего. В наиболее важном из используемых историками источников — собрании депеш, приказов и переписки Веллингтона³³ — пиренейские дела занимают почти 3/4 всего объема.

Пиренейскую войну кто-то называет лишь эпизодом грандиозной наполеоновской эпопеи, но для жителей полуострова она является предметом национальной гордости, а император Франции оценивал свои испанские дела как трагическую ошибку.

Русские историки о той войне писали мало и однобоко. Безразмерное превознесение «народной войны» при всей значимости вклада «герильерос» в свержение наполеоновского ига заслоняло тот очевидный факт, что если бы не присутствие англичан на полуострове и огромная организаторская работа, которую проделал Веллингтон по подготовке португальских частей и координации деятельности испанских армий, то Пиренси никогда не стали бы «незаживающей раной» Первой империи.

Начальник штаба Наполеона маршал Бертье в письме испанскому королю Жозефу отмечал: «Император полагает, что только англичане представляют собой угрозу. Остальные просто каналы, которые никогда не удержат позиции»³⁴. Именно войска Веллингтона стали ядром антифранцузского сопротивления на полуострове.

³⁰ См. Fortescue J. Op. cit., p. 70; Buchan J. W. Op. cit., p. 30.

³¹ Цит. по: Bryant A. Op. cit., p. 85.

³² Согласно другому, еще более популярному высказыванию Веллингтона, «битва при Ватерлоо была выиграна на спортивных площадках Итона». Однако, во-первых, спорт в годы молодости Веллингтона еще не стал увлечением номер один среди студентов (Ailving S. K. The Georgian Century. 1714—1832. London, 1966, p. 346; Cooper L. Op. cit., p. 5). Во-вторых, и это, наверное, главное — никогда раньше или позже герцог не вспоминал об Итоне. Сказанные им слова скорее всего своеобразная дань признанию учебному заведению, которое является национальным символом Великобритании, как и высказывание об Индии — дань воспоминаниям юности.

³³ The Despatches of Field Marshal the Duke of Wellington during his Various Campaigns in India, Denmark, Portugal, Spain, the Low Countries and France from 1799 to 1818. Compiled by Lieut.—Colonel Gurwood, v. 1—12. London, 1834—1838.

³⁴ Цит. по: Roberts N. C. The Rise of Wellington. London, 1895, p. 56.

Английский историк С. Уард писал: «С самого начала войны ее особенности, возмозный ход ее развития предвидел только Веллингтон... Именно он не просто разработал свой план, но и успешно его реализовал, а потому пиренейскую войну с полным на то основанием можно назвать «войной Веллингтона»³⁵. Оценка эта не очень далека от истины. Командующему пришлось решать на полуострове две взаимосвязанные задачи: изгнать с Пиренесв французов и создать армию, способную к решению первой и главной задачи. И тут необходим был, помимо прочего, талант организатора, дипломата и воспитателя.

В 1831 г. в беседе с графом Стэнхоупом герцог сказал: «Наполеон мог делать все что угодно — и ни один генерал не потерял столько армий, сколько он. Я же себе такого позволить не мог, так как знал, что если потеряю хотя бы пятьсот человек без очевидной необходимости, то меня заставят на коленях отчитываться перед палатой общин»³⁶. Добавим, что армия Веллингтона никогда не превышала 35—40 тыс. человек, в то время как Первая империя легко отправляла на Пиренеи стотысячные армии. Герцога нередко обвиняют в авторитарности, в чрезмерной приверженности принципу единоначалия. Имя за плечами печальный опыт первой португальской кампании³⁷, он и в самом деле не склонен был делить с кем-то полномочия, зато и брал на себя всю ответственность.

Ничего в армии не происходило без санкции командующего, но и ничего не ускользало от его внимания. Пиренейская кампания во многом была войной снабжения и транспорта, и Веллингтон прекрасно понимал, как трудно обеспечить войска всем необходимым в стране, где мало продовольствия, а средства коммуникации чрезвычайно плохи. Он считал, что обутий, одетый и накормленный солдат и более дисциплинирован, и лучше воюет. Однако наполеоновский принцип — «война должна кормить сама себя» — для него был неприемлем. Со времен Индии он дорожил хорошим отношением с местным населением, тем более что испанцы и португальцы являлись союзниками англичан. Изучение депеш Веллингтона показывает, какую огромную работу по снабжению армии всем необходимым проделал командующий.

На протяжении почти всей кампании ему приходилось буквально выбивать из правительства деньги. В мае 1810 г. он писал лорду Ливерпулю: «Если Вы не можете обеспечить нас деньгами, то должны эвакуировать армию»³⁸. И усилия Веллингтона приносили плоды: денежные субсидии англичанам и их союзникам постепенно увеличивались, а с 1813 г. стали почти бесперебойными. Обувь, продовольствие, тенты для защиты от солнца и дождя — веллингтоновское внимание к мелочам... Командующий требовал, настаивал, порой и угрожал — и чаще всего добивался своего.

Не менее важна была и система управления войсками. Наполеон поднял на небывалую дотоле высоту штабную работу, Веллингтон же получил армию, традиционно отличавшуюся полным пренебрежением к штабному делу. Верный своим жизненным принципам, он сам стал своим штабом. Сверхцентрализованное руководство, жесткий контроль над использованием приказов, строжайшая отчетность — так работал под его руководством штаб пиренейской армии. Впоследствии Веллингтон перенес эту практику на все вооруженные силы Великобритании, и это отрицательно сказалось на уровне штабной работы в английской армии

³⁵ Ward S. G. P. Wellington. London, 1963, P. 63.

³⁶ Stanhope P. H. Op. cit., p. 30.

³⁷ В 1808 г., во время первой португальской экспедиции, А. Уэллесли, являясь на деле главнокомандующим, формально был подчинен двум старшим офицерам — генералам Х. Далримплю и Г. Буррарду. Уэллесли разбил французов в двух сражениях под Роликой и Вимьеро, но под давлением Буррарда и Далримпла подписал почетную для французов конвенцию об их эвакуации из Португалии. Эта конвенция, получившая название «Конвенция Синтры» вызвала бурное негодование в Англии. Для разбора дела была создана специальная комиссия, которая полностью оправдала А. Уэллесли.

³⁸ The Dispatches, v. VI, p. 147.

в годы Крымской войны. Но в 1808—1814 гг. его действия оправдывались обстоятельствами. Ни один военачальник того времени не составлял таких детализированных инструкций для офицеров штаба и командиров, как Веллингтон. Что это было: недоверие и мелочная опека? В 1811 г., оказавшись в крайне тяжелой ситуации, командующий писал лорду Ливерпулю: «Я должен быть везде, а если нет, то обязательно что-то происходит не так»³⁹.

Герцог хорошо знал недостатки своих командиров и приучал их к ответственности. Заносчивые аристократы, люди с чересчур горячим темпераментом, все они в конечном счете подчинялись воле командующего. Веллингтон мог поставить подчиненного на место одной фразой. Как-то генерал Крауфорд слишком увлекся в стычке с французами и нарушил приказ. Командующий с офицерами штаба поскакал навстречу командиру едва ли не лучшей английской дивизии и произнес: «Рад видеть вас невредимым». «О, я вовсе не подвергался опасности, сэр». «Зато из-за вас опасности подвергался я,— холодно заметил Веллингтон»⁴⁰.

Если командующий внимательно следил за тем, чтобы его армия ни в чем не нуждалась, то и от офицеров он требовал того же. «Настоятельно прошу вас, чтобы каждый человек ... был одет и сыт»,— обращался генерал-лейтенант Уэллесли к бригадному генералу Коксу летом 1809 г.⁴¹ Если Веллингтон настаивал на строгом исполнении приказов, то командиры обязаны были проводить ту же линию по отношению к солдатам⁴².

Подчиненным Веллингтон демонстрировал редкостную работоспособность и самоотдачу. Со времени приезда в Португалию в 1809 г. и до окончания кампании 1814 г. он ни разу не покинул армию. Это давало ему повод отказывать офицерам в их настоятельных просьбах об отпуске для поездки домой. «Я ничего не имею против,— писал он секретарю герцога Йоркского (Верховного главнокомандующего.— М. К.),— но я знаю, что у многих из них никаких неотложных дел нет»⁴³. Язвительные вопросы командующего относительно состояния здоровья «отпускников» тоже производили эффект. К концу войны офицерский корпус на Пиренеях стал лучшим в британской армии.

Самой большой проблемой для командующего была дисциплина. Английская армия представляла собой полукриминальную среду. Сюда попадали в основном люди отчаявшиеся устроить свою жизнь, либо находившиеся не в ладах с законом. Герцог не зря сказал о своих солдатах: «Это настоящие подонки нации»⁴⁴. Для армии был характерен полный набор наемнических «доблестей», но главным пороком оставалось повальное пьянство. Веллингтон с горечью отмечал: «Ни один британский солдат не устоит против вина»⁴⁵. Поддерживать дисциплину в таких войсках было очень трудно, и командующий практиковал те же методы «воспитательного воздействия», что и другие британские военачальники того времени, только с большей непреклонностью и жестокостью. До конца своей жизни герцог оставался принципиальным противником отмены телесных наказаний в армии, но в жестокости, а тем более в произволе его не упрекнешь. Выражение «суров, но справедлив» здесь и впрямь было бы к месту.

Веллингтон настаивал на том, чтобы каждый солдат знал, за что именно он понес наказание⁴⁶; показательно и то неослабное внимание, которое он уделял деятельности военно-полевых судов. В них он видел силу свято чтимого им закона, хотя стремление командующего держать под контролем все сказывалось и на работе «карательных органов». Под явным воздействием Веллингтона

³⁹ Ibid., v. VII, p. 567.

⁴⁰ Buchan J. W. Op. cit., p. 146.

⁴¹ The Despatches, v. IV, p. 509.

⁴² Supplementary Despatches, v. VII, p. 430.

⁴³ The Despatches, v. VII, p. 204.

⁴⁴ Stanhope P. H. Op. cit., p. 14.

⁴⁵ The Despatches, v. VI, p. 576.

⁴⁶ Supplementary Despatches, v. VII, p. 76.

за убийство, насилие, нападение на офицера и дезертирство приговор был один — расстрел. Также с «тяжелой» руки Веллингтона в пиренейской армии прочно утвердилась традиция прилюдного, «показательного» возмездия за содеянное. Однако командующий примерно наказывал также и офицеров, и местных жителей, которых уличали в скупке краденого и других проступках. Суровость Веллингтона внушала страх, но и уважение, а фраза «это настоящие подонки нации» имела продолжение: «... и просто удивительно, что мы сделали из них тех молодцов, которыми они сейчас являются»⁴⁷.

Герцог наказывал, но и дорожить жизнью своих солдат он умел, как никто. И если он следил за работой военно-полевых судов, то еще большее значение придавал организации госпиталей, заботился о раненых. Солдаты об этом тоже хорошо помнили.

Вот слагаемые системы Веллингтона: сверхцентрализованное руководство, ответственность, дисциплина. Они и сделали английскую армию силой, способной противостоять лучшим войскам мира. А в стратегии и тактике ее главнокомандующий взял верх над прославленными маршалами Первой империи, и какими! А. Массена, Н. Сультом, О. Мармоном и др. Взял верх за счет своего искусства и уверенности в собственных силах. Еще в 1808 г., накануне первого своего приезда в Португалию, Артур Уэллесли сказал Кроукеру: «Они могут побить меня, но в искусстве маневра я им не уступлю. Во-первых, потому, что я их не боюсь — так, как боялись их другие, во-вторых, если то, что я знаю об их манере боя — правда, то против стойких частей она не сработает. У меня есть сильное подозрение, что все континентальные армии были наполовину разбиты французами еще до начала сражения. Меня во всяком случае им не запугать заранее»⁴⁸. Веллингтон допустил здесь одну ошибку — побить французов его так и не удалось. С первого своего сражения на Пиренеях у Ролики 17 августа 1808 г. и до Ватерлоо Веллингтон и его армия участвовали, считая только крупные, в 17 битвах с французами — и все они были выиграны! Эти баталии разнообразны с точки зрения военного искусства: взятие прекрасно защищенных крепостей Сюэдад-Родриго и Бадахос в 1812 г., оборонительные сражения при Вимьере в 1808 г. и Талавере в 1809 г., маневренный бой при Саламанке в 1812 г., решительные наступательные действия в ходе приграничных боев в 1813 г. И всегда полководец со своими солдатами был на высоте.

Веллингтон предпочитал действовать «от обороны» на хорошо укрепленных позициях. Можно было назвать его тактику «фабианской», выжидательной, но конечный результат был налицо. 1 июля 1814 г. новоиспеченного герцога приветствовали в палате общин, и многие из тех, кто неприязненно относился к клану Уэллесли, признали заслуги человека, вернувшего Англии славу и величие. Спикер палаты, выражая общее мнение, заявил: «Нация хорошо знает, что она до сих пор в неоплатном долгу перед вами»⁴⁹. В те дни, конечно, никто не мог предположить, что в самом скором времени «в долгу» перед Веллингтоном окажутся и монархи остальной Европы.

«БИТВА ОШИБОК»

Когда французский император, бежав с Эльбы, начал отсчет того короткого и драматического отрезка в истории, который получил название «Ста дней», сомнений относительно кандидатуры главнокомандующего армии союзников в предстоящей схватке с «узурпатором» не возникало. В Вене, где с осени 1814 г. главы европейских государств решали судьбы континента, Александр I, обращаясь к герцогу, сказал: «Итак, вам предстоит снова спасти мир».

⁴⁷ Stanhope P. H. Op. cit., p. 14.

⁴⁸ The Crocker Papers, v. I, p. 12.

⁴⁹ The Dispatches, v. 12, p. 69.

Ватерлоо породило массу противоречивых суждений, и подчас может сложиться впечатление, что те, кто занимался изучением сражения, расходятся почти во всем, кроме оценки результатов. Да и главные участники не оставили нам сколь-нибудь цельной версии того, что произошло в июне 1815 г. Наполеон на острове Св. Елены много говорил о Ватерлоо, но его соображения, по сути, укладываются в одну фразу: «Все, буквально все, что должно было удалиться, провалилось». Другой герой сражения — прусский маршал Гебхард Блюхер фон Вальштадт — судил по-солдатски прямолинейно: союзники, мол, здорово напододали Бонапарту. Веллингтон наотрез отказался вступить в полемику, а, знакомясь с сочинениями современников на эту тему, скептически заметил: «Я начинаю сомневаться, а был ли я там на самом деле»⁵⁰.

У. Черчилль сказал как-то, что «битвы — это знаки пунктуации на страницах истории». Если так, то Ватерлоо одновременно и жирная точка, и восклицательный, и вопросительный знаки.

Точка — конец того спора, который начался в 1782 г., когда Франция объявила войну австрийскому императору, а потом и всей Европе.

Восклицательный знак — роль и место в истории едва ли не наиболее значимого из всех состоявшихся когда-либо сражений. «После Ватерлоо слава начала умирать»⁵¹, — писал британский историк Дж. Сазерленд, и при всей романтичности его утверждения можно согласиться, что ни одна из последующих баталий не осталась в памяти людей столь же яркой, героической — и красивой — драмой, как Ватерлоо. Здесь немаловажно то обстоятельство, что для главных действующих лиц сражения — Наполеона, Блюхера, Веллингтона, французских маршалов — Ватерлоо стало действительно последней битвой. Оно как бы подводило черту под их полководческой деятельностью, было кульминацией их жизни.

Поражение Наполеона в 1815 г. было предопределено, даже если бы союзники и проиграли одно или несколько сражений, но ставка, тем не менее, была исключительно высока и судьба Европы решалась именно под Ватерлоо. Потому-то историки, писатели, публицисты, политики стран, армии которых стояли против Наполеона, всячески превозносят себя и принижают союзников, не говоря о противнике. Французы же, не оставаясь в долгу, находят оправдание промахам императора и его маршалов и с наслаждением смакуют упущения англичан и пруссаков.

Последний знак — вопросительный — связан с промахами и неверно принятыми решениями, которыми изобилвала эта «битва ошибок». В неопределенной ситуации, когда цена победы была как никогда высока, огромную роль не только военный, но и человеческий фактор, и не надо строго судить людей Ватерлоо, надо попытаться их понять.

Ни один полководец рубежа XVIII—XIX вв. не мог получить «аттестат зрелости» без главного экзамена — схватки с Наполеоном. Волею судьбы Веллингтону довелось встретиться с французским императором единственный раз в жизни, но зато в каком сражении!

Задолго до Ватерлоо Наполеон произнес слова, являющиеся стержнем всей его концепции военных действий. «В Европе есть немало хороших генералов, но они пытаются разом объять многое. Я же вижу только одно, а именно — главную силу противника. Я пытаюсь сокрушить ее, а второстепенные вопросы решаются сами собой»⁵².

Весной 1815 г. «главной силой противника» были прусская и англо-голландско-немецкая армии, дислоцированные в Нидерландах, и в выборе между двумя вариантами, которые у него имелись — защищать Париж или первому нанести удар, — император отдал предпочтение последнему. Риск большой — в случае неудачи терялось все и сразу, но успех принес бы ощутимые плоды, кроме того,

⁵⁰ Stanhope P. H. Op. cit., p. 150.

⁵¹ Sutherland J. Men of Waterloo. London, 1967, p. 3.

⁵² Цит. по: Chandler D. The Campaigns of Napoleon. New York, 1966, p. 141.

Наполеон всегда был сторонником молниеносных кампаний. За два с небольшим месяца император сделал почти невозможное — создал пусть немногочисленную, но чрезвычайно боеспособную армию, с которой и вступил в свой последний бой с Европой. В 1834 г. Веллингтон сказал, что «у Наполеона никогда не было в распоряжении такой отличной армии»⁵³, как в 1815 г., и тут герцог одновременно и прав, и неправ.

Армия, с которой император провел кампанию Ватерлоо — так называемая «Армия Севера», — имела и сильные, и слабые стороны. Примерно 128 тыс. человек, которые в нее входили, — это действительно лучшее из всего, чем располагал Наполеон. Армия состояла из ветеранов, закаленных бойцов; новобранцев в ней насчитывалось очень мало, но, превосходя прежние армии империи в опыте, выучке, энтузиазме, она уступала им в надежности. Те несколько месяцев, что Франция прожила при Бурбонах, отразились на морально-психологическом климате в войсках. Атмосфера подозрительности, взаимного недоверия, боязнь измены, отличавшие «Армию Севера», позволили британскому историку Д. Чэндлеру, авторитетному специалисту по истории наполеоновских войн, найти, пожалуй, наиболее подходящее сравнение для нее — «острая бритва из хрупкой стали»⁵⁴.

Верный испытанным принципам, император разделил предназначенные к вторжению в Бельгию войска на корпуса (всего пять), каждый из которых представлял собой как бы «армию в миниатюре» и мог действовать автономно; в армию вошли также кавалерийский резерв и гвардия при 344 орудиях.

Избранная Наполеоном стратегическая схема «центральной позиции» также относилась к его излюбленным схемам, успешно апробированным, не раз приносившим успех именно тогда, когда императору приходилось иметь дело не с одной, а с двумя и более армиями противника. Смысл ее достаточно прост: нужно все время сохранять инициативу, ни в коем случае не давать противоборствующим армиям соединиться и разбивать их по частям. Для этого требуются тщательно скоординированный маневр, внезапность и быстрота. Многое здесь зависело от исполнителей, и один из «больших вопросов» Ватерлоо — вопрос о ключевых назначениях.

Обычно Наполеон предоставлял своим военачальникам куда большую свободу действий, чем Веллингтон, и умелая «кадровая политика» всегда считалась сильной стороной императора. Тем более странными кажутся многие из его решений в 1815 г. Почему он назначил маршала Сульта начальником штаба, а не использовал его там, где он подходил лучше всего — командиром левого крыла, которому предстояло действовать против Веллингтона, ведь Султ лучше всех знал мансру боя англичанина? Почему он оставил оборонять Париж человека, считавшегося едва ли не лучшим после императора французским полководцем — «железного маршала» Л. Н. Даву? На поле Ватерлоо он поручил общее руководство войсками маршалу М. Нею, прекрасно зная о недостатках последнего: излишней горячности и отсутствии трезвого расчета. Вот где мог пригодиться именно Даву! Историки ищут ответы по сей день, и наиболее вероятный, видимо, такой: Наполеон нуждался прежде всего в личном успехе, он хотел доказать, что даже с нелучшими полководцами он в состоянии добиться победы. Он собирался продемонстрировать всей Европе, что «лев еще не повержен». За свою самонадеянность императору пришлось дорого заплатить.

В одном из последующих высказываний Веллингтона о Ватерлоо герцог заметил, что «они (союзники. — М. К.) не были готовы к нападению»⁵⁵. Признав заслуги Наполеона, отметим, что командование союзников и лично Веллингтон внесли свой — и немалый — вклад в «славу» Ватерлоо как «битвы ошибок».

⁵³ Stanhope P. H. Op. cit., p. 59.

⁵⁴ Chandler D. Waterloo. The Hundred Days. London, 1980, p. 52.

⁵⁵ The Greville Memoirs. 1814—1860, v. 1. London, 1938, p. 111.

причем большую их часть герцог совершил именно на начальной стадии кампании и в ходе подготовки к ней. Подчас Веллингтон совсем не походил на самого себя времен Пиреней — правда, у него были на то оправдания.

Герцог возглавил армию, которую союзники в состоянии были выставить против Наполеона сразу же по получению ими известия о его высадке в бухте Жуан. Как мы уже знаем, Веллингтон никогда не боялся ответственности, но, прибыв в Брюссель, он тут же столкнулся с обстоятельствами, которые вряд ли могли ему понравиться: во-первых, полной самостоятельности он не получил; во-вторых, неопределенности, столь нелюбимой герцогом, было хоть отбавляй.

В апреле Франция уже вовсю готовилась к войне, а в Брюсселе — столице созданного решением Венского конгресса объединенного Нидерландского королевства — царили благодушие и беспечность. Британские офицеры развлекались, и озабоченность проявляли лишь солдаты-ветераны. «Где же „Длинноносый?“» — спрашивали они и успокоились только тогда, когда Веллингтон, наконец, прибыл. «Длинноносый» сделает все, как надо: их уверенность в герцоге была непоколебимой. Однако настроения самого Веллингтона никак нельзя было назвать оптимистичными.

То, что он ничего не знал о планах Наполеона, еще полбеды; важнее то, что герцог вовсе не был уверен в силах собственной армии, да к тому же ему предстояло взаимодействовать с пруссаками. Формально они подчинялись главнокомандующему, но фактически это была абсолютно самостоятельная армия — с амбициями и претензиями; ее нельзя было сравнить с теми союзниками, с которыми Веллингтону же приходилось иметь дело — испанцами и португальцами. В известной степени он оказался в той же ситуации, что и в 1808 г. в Португалии, т. е. начинал с нуля, попутно решая массу дипломатических и иных «деликатных» вопросов.

Веллингтону с его методичностью катастрофически не хватало времени и одновременно поддержки со стороны собственного правительства. Он просил у военного министра ветеранов — ведь многие из его пиренейских частей были переформированы, тысячи солдат отправлены на войну в Америку — и не получил их. С назначением на командные должности дело тоже обстояло непросто. 28 марта 1815 г. герцог Йоркский, верховный главнокомандующий английской армией, всегда недолюбливавший Веллингтона, сообщил последнему: «Назначения на должность не входят в Вашу компетенцию... Вы можете рекомендовать офицеров, но в каждом случае — со специальным объяснением причин»⁵⁶. Не очень-то торопившиеся в тяжелые годы на Пиреней «заслуженные» генералы-аристократы из всех сил стремились попасть в Брюссель: победа казалась легкой, а слава приобреталась бессмертная. При распределении постов нельзя было обойти вниманием и союзников, и не удивительно, что офицерский корпус Веллингтона был весьма далек от совершенства. Например, первым заместителем герцога стал совсем юный принц Оранский, сын Нидерландского короля, служивший какос-то время у Веллингтона адъютантом. В 1813 г. герцог сказал о нем, что принц «неопытен, застенчив и нерешителен»⁵⁷. За два года сын короля, которому едва перевалило за 20, опыта, конечно, не набрался.

Если британские полки вызывали у Веллингтона беспокойство, то что уж говорить о союзниках? Вдсь, скажем, офицерский корпус бельгийских и голландских частей почти целиком состоял из людей, выросших при Бонапарте и восхищавшихся его системой. Словом, Железный герцог имел все основания заявить за месяц до Ватерлоо о том, что у него «самая слабая армия» и самый неопытный штаб за все время руководства им войсками⁵⁸. Однако Веллингтон всегда умел обходиться наличными силами и средствами. Под рукой в данном случае было 106 тыс. солдат при 204 орудиях. Герцог соединил ветеранов с

⁵⁶ Supplementary Dispatches, v. I. p. 1.

⁵⁷ The Dispatches, v. X, p. 390.

⁵⁸ Ibid., v. XII, p. 358.

новобранцами, создал, как когда-то на Пиренеях, смешанные части, т. е. сделал все, что мог, для повышения боеспособности собственной армии. Однако, повторим, реальной уверенности в ее силах у герцога не было — как, впрочем, и в армии его союзников-пруссиков, насчитывавшей 127 тыс. человек при 312 орудиях.

Во главе этой армии находился человек воистину удивительный — фельд-маршал Блюхер. В свои 73 (!) года Блюхер в душе оставался лихим гусаром. Подчиненные боготворили Старика-Вперед («вперед» — едва ли единственное слово, с помощью которого он управлял войсками), однако горячность фельд-маршала пугала осторожного Веллингтона. Солдаты Старика-Вперед были стойкими и храбрыми, но столь же непредсказуемыми, как и их командующий, а прусский начальник штаба генерал А. В. фон Гнзенау слыл откровенным англофобом и терпеть не мог герцога, чего, кстати, и не скрывал.

Таким образом, хотя численность прусской и англо-голландско-немецкой армий, вместе взятых, и превышала почти вдвое «Армию Севра», зато и проблем у Веллингтона имелось куда больше, чем у Наполеона.

Железный герцог привык составлять четко продуманный план для каждой кампании. Однако весной 1815 г. сделать этого не удалось. Прусская и английская армии были рассредоточены на очень большой территории, по всей линии границы. Они могли противостоять французам на любом направлении, но для обеспечения лучшего взаимодействия и концентрации к концу мая не было предпринято фактически никаких мер. Веллингтон проявил труднообъяснимую беспечность, отвечая на все вопросы относительно его планов одним и тем же: «Ради Бога! Думаю, я и Блюхер сделаем то, что следует»⁵⁹. В результате в ночь на 15 июня Наполсон внезапно продвинулся вперед и сумел достичь практически всего, к чему стремился, а, главное, овладел «центральной позицией». Теперь он препятствовал соединению армий союзников и мог выбирать, кого атаковать первым. Но узнавший о нападении французов Блюхер ринулся навстречу французам, а вот поведение Веллингтона 15 июня необъяснимо и остается предметом острых дискуссий.

Для объективной оценки решений и поступков герцога принципиальное значение имеет одно, центральное обстоятельство: когда именно он получил известие о том, что передовые части пруссаков атакованы французами? Если известие было получено в течение дня, то многие приказы Веллингтона выглядят ошибочными; если же — только поздно вечером, то дело представляется по-другому. Второй вариант более вероятен и не только потому, что на нем настаивал сам Веллингтон, но и потому, что, зная герцога, можно с уверенностью сказать: он вряд ли стал бы отдавать приказы на основании недостоверных сведений и слухов — а их в Брюсселе хватало. Посланец Блюхера прибыл в город уже после того, как Веллингтону все стало известно, по поводу чего герцог саркастически заметил: «Блюхер нашел, видимо, самого толстого офицера во всей армии... Он преодолел 30 миль за 30 часов»⁶⁰. Согласимся с версией: ошеломляющую новость Веллингтон услышал только на знаменитом балу у герцогини Ричмондской. Это событие, увековеченное великим Байроном в «Паломничестве Чайльд-Гарольда», является одной из самых красивых «легенд» Ватерлоо.

...Неясное предчувствие опасности владело всеми, кто собрался в доме герцога и герцогини Ричмондских. Ждали командующего: он прибыл около девяти часов, шутил, смеялся, вселял уверенность. Спустя какое-то время появился принц Оранский, и герцог, зная, что его заместитель должен находиться неподалеку от границы, удивился и спросил, нет ли каких-либо новостей. «Нет! Ничего, кроме того, что французы переправились через Самбру и имели стычки с пруссаками. Вы слышали об этом?»⁶¹. В лице герцога ничего не изменилось, он

⁵⁹ The Creevy Papers. A Selection from the Correspondence and Diaries of the Late Thomas Creevy, M. P. Ed. by M. Maxwell, v. I. London, 1933, p. 228.

⁶⁰ Waterloo Letters. Ed. by H. T. Siborne. London — Paris — Melbourne, 1891, p. 2.

⁶¹ Ibidem.

продолжал вести светскую беседу, правда, время от времени отдавая распоряжения адъютантам. Бал превратился в растревоженный улей.

Ближе к полуночи Веллингтон встал, попрощался с гостями, а затем подошел к хозяину дома и тихо спросил: «Есть ли в доме хорошая карта?» Герцог Ричмондский немедленно провел командующего в свой кабинет. Какое-то время Веллингтон молча разглядывал карту Бельгии, а затем воскликнул: «Черт подери! Он все-таки перехитрил меня! Наполсон выиграл 24 часа». Потрясенный хозяин дома поинтересовался, что же теперь намерен делать Веллингтон. «Я приказал армии сосредоточиться у Катр-Бра, и, если мы не сумеем удержать позиции, я дам ему сражение здесь». Указательный палец герцога опустился на маленький кружочек с надписью «Ватерлоо»⁶².

На рассвете 16 июня армия Веллингтона покидала Брюссель, до Ватерлоо оставались два дня. Два дня, вобравших в себя события, без которых нельзя понять произошедшее 18 июня: битвы у Катр-Бра и Линьи 16-го и кажущийся «мирным», но едва ли не наиболее важный с точки зрения исхода кампании день 17 июня, ошибки с обеих сторон, драматические по характеру решения. Прелюдия к Ватерлоо — несотъемлемая часть самого знаменитого в мировой истории сражения.

Распоряжения герцога от 15 июня хотя и содержали в себе определенный смысл, в целом наносят серьезный удар по его полководческой репутации. Даже если он не знал о нападении французов, тем не менее совершенно непонятно, почему командующий отдал приказ о передислокации некоторых выдвинутых вперед частей в глубь страны. Ведь они в любом случае обеспечивали пусть и ненадежную, но все же связь между англичанами и пруссаками. Французский историк А. Сорель, вполне откровенно симпатизировавший соотечественникам, писал: «Офицеры Наполеона ждут его приказаний и плохо исполняют их, офицеры же Веллингтона упреждают распоряжения, забытые им по небрежности»⁶³. Насчет забывчивости сказано, пожалуй, слишком сильно, но факт остается фактом: приказы герцога могли привести к тяжелым последствиям. Однако его подчиненные, уже знакомые с истинным положением дел, генералы Констан-Ребек, Перпончер и князь Бернгард Саксен-Веймарский не выполнили их — они остались на месте. В любое другое время Веллингтон расценил бы подобный поступок как тяжчайшее преступление, но герцог — в отличие от того же Наполеона — умел признавать свои промахи. В «битве ошибок» до поры до времени просчеты одной из сторон компенсировались упущениями другой, накапливалась как бы некая критическая масса, и если Веллингтон сумел вовремя остановить процесс, то Наполеон довел дело до «взрыва» на поле Ватерлоо.

К утру 16-го ситуация выглядела так: у Катр-Бра союзнические войска во главе с не выполнившими приказ Веллингтона командирами стояли перед многократно превосходившими их силами Нея, который — что уже вызывало у них некоторое беспокойство — не атаковал. Прусские корпуса двигались к Сомбреффу — тоже не очень-то теснимые противником. Решающее слово оставалось за Наполеоном.

В ночь с 15-го на 16-е Наполсон и Ней имели продолжительную беседу. Так и неизвестно, настаивал ли в ходе ее император на овладении Катр-Бра в ближайшее время. Рано утром он отдал приказ Нею двигаться к Брюсселю, а Груши — к Сомбреффу. Из указаний императора можно было сделать вывод, что направление Нея является главным, так как Наполеон как будто бы изменил первоначальный план — атаковать пруссаков — и теперь намеревается «разделаться» с Веллингтоном. Ней во всяком случае так и понял Наполсона и действовал соответственно этой установке.

⁶² Описание сцены дается по: A Series of Letters of the First Earl of Melmesbury, His Family and Friends from 1745 to 1820, v. II. London, MDCCCLXX, p. 445—446.

⁶³ Сорель А. Европа и французская революция, т. 8. СПб., 1908, с. 363.

Но, получив несколько часами позже донесение от Груши, в котором маршал сообщал о движении навстречу французской армии основных сил пруссаков, император посчитал, что Блюхер сам идет к нему в руки и изменил направление главного удара, не поставив об этом в известность Нея.

Прибыв в Катр-Бра, Веллингтон застал печальную картину. Всего лишь семь с небольшим тысяч пехотинцев, горстка кавалерии и дюжина пушек образовали линию фронта, протяженностью почти в 3 км (!). Ни благодарить, ни ругать своих подчиненных герцог по вполне понятным причинам не стал, но ситуация по крайней мере была ясна: Катр-Бра необходимо удержать любой ценой. Части союзников спешили к месту предстоящего сражения, однако и при наиболее выгодной для Веллингтона раскладке, что он прекрасно понимал, у него не было бы необходимых сил для того, чтобы преградить французам путь в Брюссель. Успокаивало лишь одно — Ней не только не атаковал, но и, судя по всему, концентрировал войска для решительных действий. Вот почему, оценив ситуацию, Веллингтон, практически ничего не изменив в диспозиции, отправился к Блюхеру: действия пруссаков приобрели решающее значение. Вступи Старик-Вперед в битву с французами, и союзническая армия смогла бы закончить сосредоточение, а Наполеон был бы не в состоянии поддержать Нея.

И Наполеона, и Веллингтона волновало одно: какое же решение примет Блюхер. Оба в равной степени, хотя и по разным соображениям, были заинтересованы в том, чтобы пруссаки ввязались в бой.

Около часа дня командующие союзными армиями встретились близ деревни Бри. Совещание их продолжалось недолго. Уже стало совершенно ясно, что перед пруссаками разворачивалась если не вся французская армия, то, несомненно, большая ее часть. Веллингтон мог быть спокоен — Блюхер твердо решил принять сражение. Осмотрев позицию, герцог сделал несколько замечаний, смысл которых он выразил позднее фразой: «Я сказал, что командующему, конечно, лучше знать свою армию, но если бы я принял здесь бой, то был бы, скорее всего, разбит»⁶⁴. Заносчивый Гнейзенау тут же ответил, что они, дескать, и сами разберутся. Веллингтон не стал ни на чем настаивать и перед отъездом пообещал Блюхеру прийти на помощь, если такая возможность представится. Обещание его ни к чему не обязывало, возможности не представлялось, да и герцог, по-видимому, не очень-то в нее верил. Отправившись к своей армии, он еще в пути услышал артиллерийскую канонаду — шум ее доносился из Катр-Бра.

Оба сражения 16 июня происходили почти синхронно, разве что у Катр-Бра оно началось на полтора часа раньше — около двух часов дня. Это были две битвы, в которых слишком многое зависело от разнообразных «если», вносивших сумятицу и недоразумения. Пример такого недоразумения — история со злосчастным французским корпусом Д'Эрлона, промаршировавшим весь день и не принявшим участия ни в одной из батальи. Впрочем, одно из «если» для Веллингтона приобрело особую важность.

До двух часов дня Ней, не имея четких указаний императора, не атаковал противника у Катр-Бра. Его бездействие дорого обошлось французам. Это была первая из фатальных ошибок французов, но маршал повинен в ней в такой же степени, как Наполеон. Когда «храбрейший из храбрых», наконец, атаковал, к союзникам уже начали прибывать подкрепления, и шансы противников постепенно сравнялись.

У Линьи Наполеон против пруссаков действовал успешно, и к пяти часам вечера стало ясно, что прогноз Веллингтона оправдывается — поражение Блюхера стало неизбежным, но императору, как воздух, нужна была не одна, а две, причем полновесные, победы. Он буквально бомбардировал Нея все новыми и новыми распоряжениями, смысл которых предельно прост: быстрее покончить с англичанами. «Храбрейший из храбрых» был уже не в состоянии сделать это:

⁶⁴ Stanhope P. H. Op. cit., p. 109.

примерно к семи часам вечера в битве обнаружился явный перелом, инициатива перешла в руки Веллингтона и он непрерывно получал подкрепления.

Ситуация у Линьи развивалась прямо противоположным образом. Блюхер уже ввел в бой все свои силы, у Наполеона же оставались резервы, в том числе — гвардия. Старик-Вперед понимал, что сражение проиграно, но он еще надеялся выиграть время. В восемь часов вечера Блюхер во главе кавалерийских эскадронов бросился на французское каре. Последовала короткая и жестокая схватка, под Блюхером пала лошадь, и придавленный сю фельдмаршал лежал, потеряв сознание. Темнота и преданность адъютанта спасли Старика-Вперед, но пруссаки уходили, оставляя на поле боя убитых и раненых и — своего главнокомандующего.

В наступившей темноте герцог, не зная еще исхода баталии у Линьи, не стал атаковать, хотя перевес был уже на его стороне. Второй день «кампании Ватерлоо» закончился. Наполсон выиграл, а Веллингтон, безусловно, не проиграл «самос, — как отмечает один английский исследователь, — беспорядочное из сражений, которые ему пришлось дать»⁶⁵.

Формально успех все же был на стороне французов: император разгромил пруссаков, хотя и не полностью; он имел основания считать, что одного из противников он из игры вывел. Он мог завтра же отправиться к Нею и разделиться с Веллингтоном, но цепь ошибок становилась все тяжелее. При всех претензиях маршалам сам Наполеон тоже совершил немало промахов, один из которых обошелся особенно дорого: именно он не сумел правильно организовать преследование разбитой армии Блюхера.

Ночью, при свете факелов, офицеры прусского штаба во главе с Гнейзенау рассматривали карту — Блюхер пока не нашелся и им предстояло принять решение. Наконец, Гнейзенау объявил, что армия будет отступать к Вавру. Прусский начальник штаба вовсе не думал о Веллингтоне и, по правде говоря, имел основания не слишком доверять англичанам, но его решение оказалось воистину спасительным для герцога.

Лишь поздней ночью Гнейзенау отыскал Блюхера в деревушке Меллери. Он сообщил командующему о намерении следовать к Вавру и в то же время настойчиво советовал не торопиться к англичанам. Выслушав начальника штаба, Старик-Вперед распорядился найти лошадь и добавил: «Я дал слово Веллингтону и, дьявол меня раздери, я сдержу его!» Решительность Блюхера во многом и обеспечила победу при Ватерлоо.

17 июня, в третий день кампании, казалось, не произошло ничего существенного. То был день ожидания, несколько странный, но очень важный. Британский историк А. Бек, авторитетный специалист по истории наполеоновских войн, считает, что «кампания была проиграна за двадцать четыре часа, с 17.00 16-го до 17.00 17 июня»⁶⁶, и есть основания с ним согласиться. В «мирный» день 17 июня император надслал столько ошибок, сколько, наверное, не совершил за всю жизнь.

Все утро — в эти воистину «золотые часы», когда надо было ковать победу, — он проявлял трудно объяснимую апатию и бездействие и лишь к 11 часам пришел в себя и отдал наконец приказ Груши преследовать пруссаков. Можно, подобно французским историкам, доказывать, что, дескать, Груши не был подходящим кандидатом для решения этой задачи, но не следует забывать о том, что сам Груши чуть ли не с рассвета пытался убедить императора отправить его в погоню, но что сделано — то сделано. Наполеон фатально промедлил с принятием решения и при этом опоздал к Нею — Веллингтон уже успел уйти.

В 7 час. 30 мин. утра герцог получил сообщение о том, что пруссаки потерпели тяжелое поражение и отступили в северном направлении. Веллингтон раздумывал

⁶⁵ Weller J. Wellington at Waterloo, p. 67.

⁶⁶ Becke A. Napoleon and Waterloo. London, 1939, p. 134.

недолго — он оказался в тяжелой ситуации и, имея в виду Блюхера, произнес: «Раз они ушли, мы тоже должны уйти. Полагаю, в Англии скажут: мы проиграли. Ну и что?»⁶⁷. В девять часов прибыл посланец Гнейзнау, подтвердивший, что пруссаки отправляются к Вавру, и спросил о намерениях Веллингтона. Герцог ответил, что он собирается отходить к плато Мон-Сен-Жан, к югу от Суанского леса, и там остановиться. Он готов был принять сражение, если Блюхер придет хотя бы один корпус. Отказывая, офицер отбыл. Ответ Блюхера Веллингтон получит нескоро, а в 10 часов его войска уже покинули Катр-Бра.

Прибывший сюда около двух часов пополудни Наполеон при виде «отдыхающих» солдат Нея пришел в ярость. Он начал энергичное преследование противника, но слишком поздно, да к тому же судьба была явно против него. Страшный ливень размочил дороги, и уже к шести вечера стало ясно, что настичь Веллингтона не удастся. Части «Железного герцога» начали располагаться на позициях у Суанского леса, на плато Мон-Сен-Жан, когда пришел долгожданный ответ Блюхера: «Я приду к Вам не с одним корпусом, а со всей армией и, если французы не атакуют нас 18-го, мы сами ударим по ним 19-го»⁶⁸.

В темноте «Армия Севера» остановилась напротив союзников. Дождь лил не переставая, о сражении нечего было и думать. Избрав для штаб-квартиры небольшую ферму Ле-Кайю, Наполеон выехал к аванпостам. Одна мысль теперь безраздельно владела им: только бы Веллингтон под покровом ночи не покинул позиции.

Отправляясь на ночь в деревню Ватерлоо, вплотную примыкавшую к плато Мон-Сен-Жан, Веллингтон в последний раз проверил, все ли в порядке. Командир кавалерийского резерва, лорд Юксбридж, все время пытался узнать о планах герцога. Тот отмалчивался, а затем, не выдержав, сам задал вопрос: «Кто атакует завтра, я или Бонапарт?» «Бонапарт!» «Ну что ж, он не поделится со мной своими просчетами, и если мои планы зависят от него, то что я могу вам повеселить о них? Одно я могу сказать наверняка, Юксбридж, что бы ни случилось, вы и я должны до конца исполнить свой долг»⁶⁹. Наполеон мог не беспокоиться: герцог уходить не собирался.

Мы не станем давать подробное описание битвы при Ватерлоо и рассуждать на тему: «Как повернулись бы события, если бы Груши вовремя подошел к полю боя?» История распорядилась иначе: не Груши, а Блюхер прибыл к плато Мон-Сен-Жан в решающий момент. Остановимся на противоборстве Наполеон — Веллингтон в его чисто военном аспекте.

Если говорить о позиции Наполеона, то он оправдывал свое поражение роковыми случайностями и, уже находясь в ссылке на острове Св. Елены, утверждал, «что давать сражение в таком месте было глупостью со стороны Веллингтона»⁷⁰. Герцог, напротив, считал, что его позиция была очень сильна⁷¹. Даже не беря в расчет исход баталии, следует признать правоту Веллингтона.

Изобиловавшая оврагами, холмами, лощинами и прочими естественными преградами местность являлась идеальной для армии Железного герцога, всегда предпочитавшего именно такие «поля сражений», когда можно было хорошо защитить войска, спрятать их и т. д.

Следующий аспект — соотношение сил. Утром 18-го в распоряжении Веллингтона имелось около 50 тыс. человек пехоты, 12 400 кавалеристов и 156 пушек — всего порядка 68 тыс. человек. Наполеон привел на поле Ватерлоо около 72 тыс. человек, 49 тыс. пехоты, 15,7 тыс. кавалерии и 246 пушек. Таким

⁶⁷ A Series of Letters..., v. 11, p. 208.

⁶⁸ Cotton E. A Voice from Waterloo. London, 1974, p. 25.

⁶⁹ Bryant A. Op. cit., p. 421.

⁷⁰ O'Meara B. E. Napoleon in Exile or «A Voice from St. Helene». One Opinions and reflections of Napoleon on the Most Important Events in His Life and Government in His Own Words, v. 1. New York, 1968, p. 108.

См. The Greville Memoirs, v. 1, p. 111—112.

образом, при примерном равенстве сил в пехоте Наполеон имел значительное преимущество в кавалерии и артиллерии. Однако цифры — еще далеко не все: если, скажем, физическая готовность военнослужащих обеих армий не особо различалась — обе армии были утомлены быстрыми маршами, дождем, холодом, то в моральном состоянии и боевых качествах наблюдались некоторые различия.

По части опыта, как мы уже знаем, рядовой состав французов заметно превосходил союзников, в рядах которых имелось немало новобранцев. Однако довольно значительная часть офицерского и сержантского состава английской армии все же побывала на Пиренеях, что было весьма немаловажно. Они не боялись французов и внушали подобное же отношение к противнику своим товарищам. А вот боязнь измены, разъедавшая «Армию Севера» изнутри, в конце сражения привела к тяжелым последствиям.

Говоря о тактике двух армий, британский исследователь Дж. Киган заметил: «Если у Ватерлоо есть лейтмотив, то он таков: кавалерия атаковала пехотные каре и была ими отброшена»⁷². С большим запозданием Наполеон признал на Св. Елене: «Британский солдат храбр, мало кто может сравниться с ним, а офицеры — люди чести, но я не думаю, что они способны на сложные маневры. Впрочем, если бы я был их командиром, мы могли бы с ними горы свернуть»⁷³.

Скромность никогда не была отличительной чертой императора. Он так и не нашел в себе сил признать достоинства Веллингтона — чисто по-человечески это вполне понятно, а в своей заключительной битве пренебрег качеством британских солдат, которых прекрасно знал и умел использовать герцог, — их исключительную способность «держать удар». Французы атаковали в колоннах, а Веллингтон доказал, что его линии приносят успех. Под Ватерлоо Наполеон обязательно должен был придумать что-то неординарное, а он избрал примитивный план атаки по всему фронту. Мало того, что тем самым он значительно уменьшил шансы на уничтожение армии союзников до прихода Блюхера, это помимо прочего позволило Веллингтону действовать в привычной, излюбленной им манере.

Что касается целей действия каждой из сторон, здесь половина ответа на вопрос, закономерен ли успех Веллингтона.

Исход сражения решило появление Блюхера, но до того, в битве «один на один», продолжавшейся около восьми часов⁷⁴ — примерно с 11 часов утра до 7 часов вечера, каждый из противников решал определенные задачи. Наполеон хотел разбить Веллингтона до прихода каких-то ни было подкреплений. Он не брал в расчет ни Блюхера, ни, что еще более неразумно, Груши, когда утром заявил: «Англичане у меня в руках»⁷⁵. Установка Веллингтона была предельно четкая — тоже дана накануне сражения: «Сейчас Бонапарт узнает, как „сипайский генерал“⁷⁶ умеет держать позицию»⁷⁷. Помня об обещании Блюхера, он должен был во что бы то ни стало продержаться до его прихода. Тот из полководцев, кто сумел справиться с поставленной задачей, и оказался победителем.

Помимо военного противостояния на поле Ватерлоо имело место и другое — личностное. Наполеон при Ватерлоо не походил на себя времен Маренго или Аустерлица. Французский историк И. Р. А. Шарас писал: «Быстрота, сила и глубина сообразительности в нем сохранились, но мысль уже не так настойчиво вырабатывалась в голове, а самым худшим было то, что Наполеон утратил прежнюю энергию. От его былой настойчивости осталось только упрямство. качество для него роковое; ему непременно хотелось видеть вещи в выгодном.

⁷² Keegan J. The Face of Battle. London, 1976, p. 135.

⁷³ Becke A. Op. cit., p. 167.

⁷⁴ Пруссакки начали подходить к полю боя в середине дня, но по частям и с большими интервалами. Основные силы во главе с Блюхером пришли уже после семи вечера.

⁷⁵ Chandler D. Op. cit., p. 126.

⁷⁶ Так презрительно называл Веллингтона Наполеон.

⁷⁷ Chandler D. Op. cit., p. 126.

а не в настоящем их свете»⁷⁸. Добавим к этой весьма точной характеристике еще и неважное физическое состояние императора. Но разве в том вина Веллингтона? И разве ему не противостоял человек, одно присутствие которого на поле боя стоило, по словам самого же герцога, «40 тыс. солдат»⁷⁹.

Утром император провел военный совет, по ходу которого отказался принять во внимание опасения тех своих офицеров, которым уже доводилось иметь дело с Веллингтоном, — маршала Сульта, генерала Рейля. Он оскорбительно высмеял их и отправился принимать парад, демонстрируя полное пренебрежение к «сипайскому генералу».

Веллингтон, напротив, совершенно не склонен был недооценивать противника, однако он не боялся его. В отличие от Наполеона, он не стал устраивать парад, а просто проверил готовность к бою. Солдаты герцога не приветствовали его возгласами — он сам отучил их от этого. «Терпеть не могу восторженных криков. Если позволить солдату выражать свои чувства, то однажды тебя освищут», — говаривал он⁸⁰. Однако герцог наверняка испытал бы удовлетворение, прислушайся он к негромким возгласам: «Длинноносый здесь, дело пойдет».

Вид Наполеона приводил его солдат в экстаз, присутствие Веллингтона вселяло в подчиненных уверенность. Железный герцог на протяжении битвы лично руководил войсками, все время находился в гуще событий. Очевидец сражения писал: «Я постоянно видел благородного герцога... появлявшегося повсюду, подобно повелителю бури... решавшему, где и когда разразится удар грома»⁸¹. Наполеон же первые шесть часов сражения просидел в старом кресле на ферме Россом. Он передовсрил руководство Нею, а потом сам же обвинил последнего в бездарности.

Обороняющаяся армия находится в предпочтительном положении. Однако в ходе битвы не раз и не два судьба союзников висела на волоске, и тем не менее Веллингтон «оставался самым хладнокровным человеком, воплощением хладнокровия»⁸². Он перегруппировал войска, мастерски использовал резервы и лишь однажды проявил волнение. Это произошло около семи часов вечера перед атакой французской гвардии. В ответ на очередную просьбу одного из военачальников о подкреплении Веллингтон сказал: «Передайте ему, то, о чем он просит, невозможно: он, и я, и каждый англичанин на этом поле должен умереть, но не отступить»⁸³. Он был со своими солдатами до конца, а когда Блюхер вступил в бой и исход сражения был уже предрешен, он продолжал находиться на переднем крае. Адьютанты пытались уговорить Веллингтона отойти в тыл, говоря, что его жизнь слишком ценна. «Ничего, пусть стреляют. Битва выиграна, и моя жизнь теперь не имеет значения», — отвечал он⁸⁴.

Весь день 18 июня 1815 г. Веллингтон воистину был Железным герцогом. Хладнокровие, ясный ум и трезвый расчет отличали его; он по праву одержал победу и занял место среди самых великих полководцев Британии. Однако, чтобы по достоинству оценить Веллингтона-человека, приведем эпизод, имевший место в ночь после Ватерлоо.

Посетив торжественный ужин, устроенный его офицерами, герцог — усталость брала свое — прилег немного отдохнуть. В три часа ночи его разбудил главный армейский хирург, доктор Хьюм. Он пришел прочитать командующему предварительные списки погибших. Веллингтон встал позади сидевшего за столом Хьюма, боясь снова заснуть. «Дс Лэнси, Пиктон, Гордон, Понсонби, Актон...», —

⁷⁸ *Шаррас И. Р. А. История кампании 1815 г. Ватерлоо.* СПб., 1868, с. 88.

⁷⁹ *Stanhope P. H. Op. cit., p. 9.*

⁸⁰ *Howarth D. Waterloo: Day of Battle.* New York, 1968, p. 42.

⁸¹ *The Battle of Waterloo, Containing the Accounts Published by Authority. British and Foreign and other Relative Documents.* London, 1815, p. 1..

⁸² *Cotton E. Op. cit., p. 101.*

⁸³ *The Essential Englishman. An Anthology.* Compiled by N. Soames and J. Steen. London, 1989, p. 44.

⁸⁴ *Bryant A. Op. cit., p. 450.*

монотонно перечислял Хьюм, и вдруг почувствовал, как на руки ему что-то капает. Хьюм поднял голову и замер, потрясенный... Железный герцог плакал! С трудом совладав с чувствами, Веллингтон произнес: «Слава Богу, я не знаю, что такое проиграть битву, но как тяжела победа, когда теряешь столько друзей!»⁸⁵.

КАРЬЕРА ПОЛИТИКА

После Ватерлоо никогда больше Веллингтон не принимал участия в сражениях. Один из наиболее авторитетных в Европе и Англии людей, он начал заниматься новым для себя делом — политикой. Вплоть до 1832 г. герцог был в числе ключевых фигур государственной жизни Великобритании. Различные официальные должности, портфели в правительствах тори, пост премьер-министра страны — такой послушной список мог бы составить повод для гордости любого политика, но...

Кто-то сказал, что герои, которые живут слишком долго после свершения славных подвигов, начинают утомлять соотечественников. Один из современников Веллингтона обронил фразу: «Если бы сразу после Ватерлоо он отошел от дел, то был бы бессмертен, а так — просто знаменит». И афоризм этот превратился в некую «путеводную звезду» для большинства создателей «Веллингтонианы», причем как для апологетов Железного герцога, так и для его противников.

Характерно, что сторонники Веллингтона либо обходят стороной «постватерлооский» период его жизни, либо говорят о нем вскользь, а критики, наоборот, сосредоточивают внимание на тех почти 40 годах жизни герцога, которые ему суждено было прожить после Ватерлоо. По крайней мере со стороны может показаться, что Веллингтона постигла участь многих: человек, еще вчера вызывавший всеобщее восхищение, стал — отнюдь не внезапно — объектом резких нападок и даже ненависти, но вряд ли стоит превращать Ватерлоо в некую роковую черту, отделившую подлинное величие от одиозности. Веллингтон оставался самим собой и когда он держался до последнего на поле Ватерлоо, и когда он с не меньшей стойкостью противился принятию парламентской реформы.

Биографы герцога подчас объясняют причины его неудач на политическом поприще тем, что он был солдатом, а не политиком, тем более что есть его собственное высказывание на сей счет⁸⁶. Не стоит, однако, всерьез относиться к его «откровениям»: герцог сознательно поддерживал образ солдата, вынужденного заниматься политикой. Истории известно немало примеров того, как полководцы с успехом перевоплощались в государственных мужей или совмещали обе ипостаси, и, возможно, займись Веллингтон политикой лет на 25 раньше или, наоборот, позднее, ряды его критиков заметно поредели бы. Он был не столько плохим политиком, сколько плохим актером, ибо единственная роль, к которой он оказался способен — роль Железного герцога, не могла принести ему лавров на политических подмостках, где в чести совершенно другие качества, и среди них — способность отскатываться от своих прежних лозунгов.

Когда после долгих лет отсутствия на родине герцог вернулся домой, слишком многое изменилось в стране. Это была совсем другая Англия — Англия, которую Веллингтон не знал и понять которую не то что бы не смог, а скорее, даже и не попытался. Уже не джентльмены, знавшие толк в лисьей охоте, а «капитаны индустрии» определяли ход развития истории. XIX в. властно вступал в свои права, но Веллингтон остался человеком XVIII столетия, человеком прошлого, убежденным тори, ярким защитником интересов короны и аристократии и — противником преобразований. Как воснаачальник, герцог всю жизнь сражался с наследием Французской революции, как политик — сохранил стойкую антипатию

⁸⁵ Ibid., p. 452.

⁸⁶ The Journal of Mrs. Arbuthnot, 1820—1832. Ed. by F. Bomford and the Duke of Wellington, v. 1—2. London, 1950; v. 2, p. 137.

к радикалам и либералам. Пренебрежение к общественному мнению, неумение просчитать ситуацию на несколько ходов вперед, как это умели делать его политические соперники Дж. Каннинг и Роберт Пиль, — вряд ли с подобными качествами Веллингтон мог рассчитывать на успех. Впрочем, он к нему и не стремился. Свою Англию герцог любил искренне и служил ей верой и правдой, да только Англия нуждалась уже в иных слугах.

В 1830 г. Веллингтон, в то время премьер-министр страны, не просто высказался в решительной форме против предложенного проекта избирательной реформы, но и заявил о своем намерении бороться с любыми предложениями подобного рода. Его слова вызвали возмущенный гул среди парламентариев, а резкий и бескомпромиссный тон смущал даже коллег по кабинету. Наблюдая такую шумную реакцию, Веллингтон обратился к сидящему рядом лорду Абердину, министру иностранных дел: «Что с ними? Я не так уж много сказал, не правда ли?» «Полагаю, достаточно», — мрачно ответил Абердин. Спустя некоторое время, когда министра иностранных дел на выходе из зала спросили, что же сделал премьер-министр, Абердин произнес: «Герцог сказал, что мы уходим в отставку»⁸⁷.

Разумеется, Веллингтон ошибался, принимая реформу за революцию, он безнадежно проигрывал как политик, но как солдат сдаваться не собирался. «Если им нравится реформа, они ее получат, но им не удастся иметь одновременно и герцога, и реформу. Пусть они сделают выбор»⁸⁸. Англичане выбор сделали, и он оказался правильным, но и Веллингтон сделал все, что в его силах, чтобы они не сразу насладились этим выбором.

Толпа била стекла в резиденции герцога, его появление на улицах встречалось свистом и улюлюканьем, но Веллингтон в парламенте продолжал говорить реформе «нет». Никуда не денешься от констатации того факта, что слава победителя при Ватерлоо была омрачена бесславными министерствами, беспомощностью и реакционностью многих начинаний герцога как государственного деятеля. Когда в 1832 г. реформа стала законом, а Веллингтон фактически удалился от дел, он был едва ли не самым ненавидимым в стране человеком.

Последних 20 лет жизни хватило на то, чтобы страсти улеглись, а признание соотечественников вернулось. Герцог по-прежнему оставался одним из наиболее авторитетных в стране людей, личным другом и советником королевской семьи и почти до самой смерти уделял много внимания своему любимому детищу — армии, занимая пост верховного главнокомандующего. Здесь в отличие от парламента никто не мог возразить ему, и консерватизм Веллингтона не лучшим образом сказался на состоянии британских вооруженных сил⁸⁹. Впрочем, это уже не столь важно. Время все расставило по своим местам, и большинство англичан воспринимало герцога как живой монумент давно минувшей эпохи. Прогуливавшегося как-то с Веллингтоном в Сент-Джеймском парке лорда Гренвиля поразила та почтительность, с которой все приветствовали герцога: «То была не популярность, а куда более глубокое чувство»⁹⁰.

Тот же Гренвиль о Веллингтоне как человеке писал: «Его величие — результат нескольких выдающихся качеств: простого, без примеси тщеславия характера, трезвой уверенности в себе, жесточайшей правдивости, необыкновенно развитого чувства долга... и лояльности, что делало его послушнейшим из граждан. Корона никогда не имела более верного, преданного и бескорыстного подданного»⁹¹.

«Долг» — слово, пожалуй, наиболее часто встречающееся в дневниках Веллингтона, его переписке, парламентских речах. Трудно найти другого крупного исторического деятеля с таким, можно сказать, гипертрофированным чувством долга.

⁸⁷ Longford E. Wellington. Pillar of State, p. 228.

⁸⁸ The Journal of Mrs. Arbuthnot, v. 2, p. 400.

⁸⁹ Наиболее обстоятельно данный вопрос рассмотрен в монографии Х. Страчана: Strachan H. Wellington's Legacy. The Reform of the British Army 1830—1854. Manchester, 1984.

⁹⁰ The Greville Memoirs..., v. 2, p. 372.

⁹¹ Ibid., v. 6, p. 360.

В критические моменты, как при Ватерлоо, он не прибегал к изысканной патетике — он напоминал о долге. Не справившемуся с решением, казалось бы, незначительной задачи подчиненному герцог выговаривал «Как же так? Ведь это наш долг?» На первом месте у него долг перед родиной, но этим список не исчерпывается. Долг джентльмена — держать слово, долг политика — соблюдать принятые обязательства.

Сколько бы неприятностей ни доставило Веллингтону на Пиренеях его собственное правительство, он мог обижаться, даже возмущаться, но ни разу не позволял себе не подчиниться закону и приказу. Авторитарный по натуре, он являл собой образец законопослушности. Спустя несколько дней после победы реформаторов Веллингтон заявил в парламенте: «Билль принят, и я считаю своим долгом подчиниться ему и сделать все, что в моих силах, для его проведения в жизнь»⁹². Так говорил человек, только что предпринявший все возможное для того, чтобы билль не стал законом; и речь шла не о показном смирении, а о глубочайшем уважении к Закону.

Отсюда во многом и «реакционность» Веллингтона. Революции, реформы — во всем этом он видел посягательство на Закон. В годы, когда монархические устои трещали по всей Европе, Веллингтон демонстрировал стойкую, в известной степени сентиментальную приверженность им.

Но при этом не следует забывать о том, что английская аристократия после «Славной революции» XVIII в., установившей в Англии режим конституционной монархии, имела больше оснований считать себя выразителем интересов нации, чем ее континентальные собратья. А сам факт, что власть у «благородных джентльменов» отобрали вполне конституционным путем, свидетельствует о демократичности британского политического строя.

Приверженность Веллингтона монархии и аристократическим ценностям совсем не сродни тупому фанатизму испанских грандов или французских «ультра» эпохи Реставрации, более того, он такой фанатизм осуждал. Но для него аристократия была «белой костью» нации, спасителем Британии в жесточайшей схватке с республиканской и наполеоновской Францией, а те, которых герцог в 1832 г. презрительно назвал «лавочниками», затеяв парламентскую реформу, проявили «черную неблагодарность» по отношению к своим благодетелям.

Бескорыстное и преданное служение короне — еще одна черта аристократизма Веллингтона. Он знал цену недалекому Вильгельму IV, негодовал по поводу возмутительного, на его взгляд, поведения Георга IV и тем не менее всегда выражал готовность служить королю и не раз рисковал собственной репутацией, помогая монархии в сложных и щекотливых делах.

Гренвиль писал о «жесточайшей правдивости» Веллингтона. Это качество, делавшее герцога плохим царедворцем и неважным политиком, по-человечески вызывает восхищение и удивление. Исследователь, попытавшийся отыскать хотя бы один пример очевидной неискренности Железного герцога, а тем более лжи из «практических соображений», скорее всего, обречен на неудачу.

В политике герцог всегда шел напролом и, забывая о том, что путь к цели подчас извилист, нередко не достигал ее.

Был ли герцог тщеславен? Язвительный лорд Мельбурн в присутствии королевы Виктории однажды обронил: «Герцог Веллингтон в высшей степени чувствителен, когда проявляют внимание к его персоне, а в особенности когда интересуются его мнением по тому или иному поводу»⁹³. Если это — тщеславие, то его можно простить 70-летнему старику. А вот другой эпизод.

В 1823 г. миссис Арбетнот возмутилась тем местом в мемуарах Наполеона, где он критикует полководческое искусство Веллингтона, на что герцог заметил: «Черт бы их всех побрал! Я побил их, и если я сам себя поставил в тупик.

⁹² The Speeches of the Duke of Wellington in Parliament, v. 1. London, 1854, p. 653.

⁹³ Queen Victoria in her Letters and Journals. A Selection by C. Hibbert. London, 1984, p. 32.

если я занял такую бездарную позицию, то, видно, они еще большие глупцы, чем я, если не сумели воспользоваться моими ошибками»⁹⁴. Когда двумя годами ранее пришло известие о смерти Наполеона на острове Св. Елены, Веллингтон сказал той же миссис Арбетнот: «Теперь, я полагаю, я самый удачливый из ныне живущих генералов»⁹⁵.

Настоящий англичанин, он обладал замечательным даром своего народа — чувством юмора. Как-то на Пиренеях командующий встретил на дороге солдата, тащившего улей. Последовал строгий окрик: «Где ты взял улей?» Солдат, с закрытыми глазами отбивавшийся от пчел, не видел, кто перед ним, и ответил: «Там, за холмом, и, клянусь Иисусом, если ты не поторопишься, унесут все». Веллингтон так развеселился, что вопреки обыкновению даже не арестовал его⁹⁶.

Во время пребывания в Вене герцог получил приглашение на премьеру оперы «Битва при Виттории», в которой для большей убедительности использовались специальные шумовые эффекты. Один из сопровождающих спросил его, так ли все происходило на самом деле. «Господи, конечно же, нет. Иначе я первым бы убежал оттуда»⁹⁷. Юмор Веллингтона бывал и саркастичен: когда кто-то поинтересовался его мнением о первом заседании реформированного парламента, он лишь заметил: «Никогда в жизни я не видел столько плохих шляп»⁹⁸.

Удачливый в карьере, герцог не был счастлив в семейной жизни. Его жена, Китти Пакенхэм, не стала для него близким человеком. Она отличалась робостью, безвкусно одевалась, совершенно не умела поддержать беседу, терялась от любого неодобрительного взгляда. Миссис Арбетнот передала высказывание Веллингтона о его браке: «Невозможно жить с человеком, когда тебя с ним ничто не связывает и нет ни намека на доверительные отношения». Герцог, по его словам, пытался поговорить с женой, но та его не понимала, и он искал у других тот уют и спокойствие, которых был лишен в собственном доме⁹⁹.

Не сложились и отношения Веллингтона с сыновьями. Возможно, сказался неудачный брак, а возможно — чрезмерная суровость герцога, не знавшего в детстве родительской ласки. Его старший сын, лорд Доуро, в юности так робел в присутствии отца, что на него нападала необъяснимая сонливость.

Что касается женщин, то в молодые годы, да и позднее герцог отличался исключительной галантностью и пользовался успехом у дам. Веллингтону приписывали связь со многими великосветскими красавицами того времени¹⁰⁰, и совершенно доподлинно известно о его романе с бывшей любовницей Наполеона, оперной певицей Джузеппиной Грассини, но о подлинных чувствах можно, вероятно, говорить лишь в отношении уже упоминавшейся миссис Арбетнот, очаровательной, умной, бесконечно преданной герцогу женщине.

Княгиня Доротея Ливен, жена русского посла в Лондоне, хорошо осведомленная об амурных делах здешнего света, утверждала, что речь идет о чисто платонических отношениях¹⁰¹. Как бы там ни было, герцог тесно дружил с супругом миссис Арбетнот, сэром Чарлзом Арбетнотом. Последний принадлежал к числу самых близких герцогу людей и скончался у него на руках.

Чета Арбетнотов, Кроукер, испанский генерал Алава — вот и весь круг близких Веллингтону людей. С бывшими соратниками он почти не общался, но друзьям был предан. Когда тот же Алава был вынужден покинуть Испанию, герцог немедленно принял его под свой кров.

⁹⁴ The Journal of Mrs. Arbuthnot, v. 1, p. 234—235.

⁹⁵ Ibid., p. 105.

⁹⁶ Petrie C. Op. cit., p. 156—157.

⁹⁷ Cooper L. Op. cit., p. 227.

⁹⁸ The Oxford Book of Political Anecdotes. Ed by P. Johnson. Oxford — New York, 1986, p. 111—112.

⁹⁹ The Journal of Mrs. Arbuthnot, v. 1, p. 168.

¹⁰⁰ The Greville Memoirs, v. 6, p. 362.

¹⁰¹ The Journal of Mrs. Arbuthnot, v. 2, p. XIV.

В эпоху, когда некоторая эксцентричность стала в свете всеобщей модой, Веллингтон и тут выпал из общего правила: при всем желании в нем не обнаружить не то что причуды, а просто невинной слабости.

Он остался умерен в еде и питье, и его равнодушие к изыскам кухни приводило в отчаяние таких известных гурманов, как второй консул Франции Камбасерес¹⁰². На Пиренеях на вопрос, когда его будить, Веллингтон отвечал: «С рассветом», и неизменно просил подать холодное мясо¹⁰³. Зато и отменное здоровье отличало его до глубокой старости.

Всегда элегантно одетый, Веллингтон не тратил целые состояния на наряды по примеру щеголей того времени. Короткий темно-синий плащ, белые панталоны, серый или голубой сюртук, короткие сапоги, с тех самых пор именуемые «веллингтонами», — таким обычно видели его солдаты, звавшие герцога «Длинноносым», и офицеры, именовавшие его французским словечком «beau» — «красавчик».

Высокомерный по отношению к толпе и отчески внимательный к слугам и ветеранам, жесткий с сыновьями и ласковый с внуками, безжалостный к подчиненным и плачущий в ночь после Ватерлоо — таков был Веллингтон-человек.

В сентябре 1852 г. на 84-м году жизни Веллингтон скончался. Похороны его были обставлены с невиданным размахом и пышностью. В соборе Святого Павла зажгли все светильники — подобной чести через 112 лет удостоился только Уинстон Черчилль.

¹⁰² Gleig G. R. Op. cit. p. 423.